

ПОЛВЕКА НА ПУТИ К НОВЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ (К ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ ПСИХОЛОГИИ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Н. Е. Харламенкова

Харламенкова Наталья Евгеньевна

Эл. почта: HarlamenkovaNE@ipran.ru. ORCID 0000-0002-0508-4157.

Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, 13/1, г. Москва, 129301, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются научные походы к психологическому анализу развития личности: субъектный (С. Л. Рубинштейн), динамический (Л. И. Анцыферова), субъектно-бытийный (З. И. Рябикина с коллегами). Раскрывается содержание процессуального подхода к проблеме трудных жизненных ситуаций. Цель исследования состоит в обосновании положения о природе человеческой жизни, типично проявляющей себя в разнообразии одновременно и / или последовательно переживаемых личностью трудных жизненных ситуаций. Показано, что трудная ситуация представляет собой процесс, который состоит из нескольких, сопряженных между собой этапов, связан с прошлым опытом переживания жизненных трудностей, является маркером актуально решаемых субъектом задач, ориентирован на достижение новых целей в будущем. К отдельным составляющим ситуации относятся: противоречие между потребностями и внешними требованиями, причины, вызвавшие это противоречие, возможности и ресурсы личности, план разрешения ситуации, наличие / отсутствие прогноза ее последствий — негативных и позитивных. В стратегиях совладания с трудностями отражены реальные способы их преодоления и перспективные задачи развития личности. Приведены аргументы в пользу достоверности процессуального подхода и возможности его применения и к анализу повседневных, и к изучению экстремальных стрессоров; показано, что даже в случае появления регрессивных изменений в поведении человека, пережившего психотравмирующее событие, не происходит нарушения личностной динамики; выражается мнение относительно необходимости исследования специфики личностного развития в условиях влияния интенсивных стрессоров и тех возможностей и ресурсов, которые обеспечивают изменение темпов развития, приводят к улучшению самочувствия и реинтеграции субъекта в социум. В качестве познавательных процедур исследования применены методы анализа, синтеза и аналогии, которые позволили подтвердить правомерность рассмотрения трудной жизненной ситуации как онтологической основы психического развития личности. В заключении отмечено, что исследования коллег из Кубанского государственного университета (кафедра психологии личности и общей психологии) и сотрудников Института психологии РАН имеют общие методологические основания, при этом теоретико-эмпирические исследования отражают разные стороны многогранной проблематики психологии личности и психологии субъекта.

Ключевые слова: субъектный подход, субъектно-бытийный подход, динамический подход, процессуальный подход, субъект, противоречие, трудная ситуация, экстремальная ситуация.

Введение

Интенсивное развитие психологии личности в Институте психологии РАН и Кубанском государственном университете продолжается почти полвека. Речь идет не об официально принятом в 1984 г. решении о создании лаборатории психологии личности в ИПРАН и об открытии в 1974 г. кафедры психологии (позднее, т.е. в 2001 г. — кафедры психологии личности и общей психологии) в КубГУ, а о разработке личностной проблематики в контексте субъектно-деятельностного и бытийного подходов, которые имеют общие корни и гораздо более давнюю историю.

З.И. Рябикина пишет: «В фокусе нашего внимания — психологические аспекты проблем бытия личности. В отличие от онтологического подхода к предмету исследования, реализованного С. Л. Рубинштейном, мы подходим к анализу бытия в диаде “личность — бытие”, подразумевая, что речь идет об определенном качественном состоянии (характеристике, свойстве) человека, обозначаемом как “личность”, и в отношении к этому качеству человека мы рассматриваем “бытие”» (Рябикина, 2005, с. 59). В контексте *субъектно-бытийного подхода* личность трактуется с позиции гуманистического отношения к человеку как самоактуализирующемуся и самореализующемуся субъекту, поэтому наиболее частотными категориями, которыми оперируют представители бытийного подхода, являются такие понятия, как «личность, бытие (аутентичное / неаутентичное), пространства бытия (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д.), границы пространств бытия, субъект бытия, самоактуализация, личностная идентичность и др.» (Рябикина, 2005, с. 58–59).

Субъектно-бытийный подход предполагает проявление личностью самостоятельности в принятии решений и освоении жизненного пространства, его приватизации для достижения целей личностного роста и развития, что, конечно, не исключает понимания представителями этого подхода всей сложности, а часто и непредсказуемости динамики событий современного мира, структурирование и смысловая дефиниция которых осуществляются личностью: она расширяет «границы бытийного пространства, реорганизуемого ею в соответствии со структурой ее смыслов» (Рябикина, 2005, с. 62).

Одной из существенных характеристик человека является способность понимать и разрешать *противоречия*, которые выступают условием его развития. Называя противоречивость «естественным состоянием межсистемных отношений» (Рябикина, 2008, с. 79), автор утверждает, что этот вывод можно в полной мере отнести к человеку как сложно организованному объекту. Конкретизируя сказанное, отметим, что переживание амбивалентных эмоций, разрешение мотивационных конфликтов, способность справляться с парадоксальными ситуациями, учитывать разнонаправленные цели и др., являются априори присущими личности как субъекту жизнедеятельности особенностями и стратегиями. «Личность как субъект, разрешая противоречия между определенным образом устроенным внутренним миром и внешней реальностью, подчиняя внешнюю реальность закономерностям своего внутреннего мира, и таким образом “продолжая” себя во внешний мир через осуществление актов персонализации, развивается, расширяя свою бытийность» (Рябикина, 2005, с. 82).

Умение преодолевать противоречия определяется К. А. Абульхановой — представителем *субъектного подхода* в психологии — в качестве одной из ведущих жизненных стратегий. Это способность высшего порядка, характеризующая человека как субъекта своей жизни (Абульханова, 1973), которая «осуществляется высшими механизмами — сознанием, активностью и способностью к организации времени жизни» (Абульханова, 1997, с. 330).

Сходство между двумя научными школами (субъектно-бытийным и субъектным подходами) в трактовке сущности человека и в понимании его активности с позиции решения сложных жизненных задач противоречивого характера свидетельствует о единстве взглядов на природу личности как субъекта жизни, на ее продуктивную активность, создающую и одновременно разрешающую антагонистические

тенденции и установки. Трактую противоречие как естественное для личности обстоятельство жизни, представители субъектного, субъектно-деятельностного и субъектно-бытийного подходов соотносят с ним позитивные проявления человеческой деятельности. Иными словами, усилие, направленное на осознание и преодоление противоречия, открывает перед субъектом новые возможности, выступающие маркером саморазвития, самоактуализации, самоосуществления, созидания бытийного пространства.

Допустимо ли при этом считать, что противоречия *стимулируют* процесс развития личности, которая оказывается в ситуации *вынужденного* преодоления эмоционального, когнитивного и других видов диссонанса? Думается, что такое мнение ошибочно. З. И. Рябикина подчеркивает, что противоречия являются и следствием, и условием развития, сопутствуя данному процессу. Несмотря на эти крайне важные разъяснения, не каждый ученый, особенно молодой исследователь, поймет, что мысль об «активности» самих по себе противоречий без их отнесения к субъекту не выдерживает никакой критики. Противоречия осознаются, вербализуются, преодолеваются только при наличии у личности достаточной для этого мотивации, что во многом подтверждается наличием индивидуально-психологических различий в стремлении людей к самоактуализации и саморазвитию.

Противоречивость существования личности трудно объяснить исходя из особенностей ее внутреннего, замкнутого на себе мира. Достоверность высказанных суждений относительно «развивающих личность противоречий» (З. И. Рябикина) существенным образом повышается при введении в теоретико-методологическую модель личности категории «бытие». «“Бытие” личности — это *объективированная в процессах и предметах мира субъектность*. Личность не может быть понята, а свойственная ей процессуальность квалифицирована, если ее бытие не будет включено в предметную область психологии личности» (Рябикина, 2008, с. 81). Согласно субъектно-бытийному подходу противоречия возникают между внутренним миром и внешней реальностью; личность стремится адаптировать внешний мир под свою систему смыслов, ценностей, потребностей, идеалов и т. д., рассматривая его как часть личного пространства и тем самым расширяя свое бытие.

Обсуждая проблему противоречий, ученый рискует остаться на *гносеологическом уровне* формирования знания, игнорируя вопросы, касающиеся *онтологического статуса* научных представлений о человеке и его бытии. Для поиска онтологических оснований исследования психологических особенностей личности необходимо обратиться к проблеме функционирования человека в пространстве его бытия, соблюдая принципы экологической и внешней валидности репликации знания, что утверждается и представителями субъектно-бытийного подхода (Рябикина, 2008; Рябикина, Ожигова, Фоменко, 2013). Подчеркнем лишь одно обстоятельство, которое не позволяет нам останавливаться на дальнейшем обсуждении проблемы противоречий, но обязывает обратить внимание на иной ракурс в исследовании проблемы личности в психологии.

Признавая безусловную значимость анализа несоответствия желаний, переживаний, установок, целей личности социальным требованиям, а также ценность другого рода противоречий для изучения природы психического развития человека и понимая, что «проявления личности, связанные с возникновением противоречий в ее жизни», очень разнообразны (Рябикина, 2008, с. 83), возьмем на себя смелость сказать, что подобные рассогласования лишь один из механизмов возможного

изменения личности. Распознавание личностью противоречий и выбор способа их разрешения следует считать следствием того, что мы называем отношением личности к себе и миру (к своему бытию), т.е. следствием ее мировоззренческих установок и принципов.

С.Л. Рубинштейн пишет: «Человек выступает как *часть* бытия, сущего, осознающая в принципе *все бытие*. Это капитальный факт в структуре сущего, в его общей характеристике: осознающий — значит как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, часть, охватывающая целое. В этом своеобразии человека и его место и роль во Вселенной, включающей человека» (Рубинштейн, 1997, с. 71). При этом человек не только созерцает, но и действует. «Выявление этих двух отношений к миру — сознания и действия, чувственности и деятельности, познания, созерцания и преобразования» характеризует «специфический способ существования человека», его онтологию (Рубинштейн, 1997, с. 73).

Трудные жизненные ситуации и проблема противоречий в развитии личности

Рассматривая философско-психологическую концепцию Рубинштейна в качестве методологической основы нашего исследования, мы переходим к теоретическому анализу проблемы, имеющей непосредственное отношение к онтологии человеческой жизни — к обсуждению проблемы *трудной жизненной ситуации*.

Цель исследования — обоснование положения о природе человеческой жизни, типично проявляющей себя в разнообразии одновременно и / или последовательно переживаемых личностью трудных жизненных ситуаций.

История разработки проблемы совладания с трудными жизненными ситуациями насчитывает не одно десятилетие. Конструктивные личностные стратегии, направленные на восстановление психического равновесия, стали предметом обсуждения для представителей персонологии и гуманистической психологии и широко анализировались в работах специалистов разных областей психологического знания — социальной психологии, психологии труда и инженерной психологии, клинической психологии и др.

Однако, по мнению Л. И. Анцыферовой, переживание трудных, в том числе экстремальных, жизненных ситуаций и совладание с ними не получило достаточной разработки в отечественной общей психологии и психологии личности (Анцыферова, 2004, с. 97), что, однако, было в определенной мере восполнено самим исследователем (Анцыферова, 1993, 1994).

В связи с этим высказыванием отметим три важных для нас момента.

1. При обсуждении тематики трудных жизненных ситуаций основное внимание ученых было обращено либо на анализ эмоциональных состояний людей, находящихся в подобных обстоятельствах, либо на обсуждение проблемы совладания с жизненными трудностями и определение стратегий выхода из напряженной ситуации. Л. И. Анцыферова писала, что «самым неотложным и актуальным является изучение того, каким образом человеку удастся справиться с жизненными трудностями, к каким стратегиям прибегают люди, чтобы совладать с ними или предотвратить порождаемые ими эмоциональные нарушения» (Анцыферова, 2004, с. 97). Отметим, что пути преодоления трудностей практически всегда оставались приоритетными темами и для гуманистических психологов (К. Роджерс, А. Маслоу и др.).

2. Понятия «трудные» и «экстремальные» ситуации нередко использовались в качестве синонимов, а обозначаемая феноменология описывалась в терминах событий катастрофического характера. Наблюдалось смещение предмета исследования в направлении изучения экстремальных жизненных обстоятельств, и это, несмотря на то, что предположение о необходимости разделения трудных жизненных событий на повседневные трудности, негативные события, связанные с возрастными задачами, и «непредвиденные несчастья и горести», давно перестало существовать только в виде гипотезы (Анцыферова, 2004, с. 108–109). Стало понятно, что «повседневные трудности» и «негативные события», их последствия не идентичны переживанию воздействия психотравмирующих событий (Головей, Стрижицкая, 2016; Дымова, 2022).

3. Представление о трудных жизненных ситуациях складывалось исходя из общего понимания жизненного пути личности как процесса постепенного восхождения к себе, связанного с открытостью опыту, принятием внутреннего локуса контроля, доверием к себе и др. (Рождерс, 2002, с. 851). Житейские проблемы и трудные жизненные ситуации часто рассматривались как временные, ненормативные. Понятно, однако, что подобная модель психического развития личности в большей степени иллюзорна и экологически невалидна.

Согласно субъектно-бытийному подходу развитие личности осуществляется благодаря ее возможности соотносить, согласовывать и структурировать внешние обстоятельства и систему собственных потребностей. По мере развития личность все более активно овладевает объективной средой, преобразовывая ее в бытийные пространства (Рябикина и др., 2013, с. 62). В исследовании Г. Ю. Фоменко, выполненном в формате подготовки докторской диссертации, была разработана концепция бытия личности в экстремальных условиях. Анализируя различные экстремальные обстоятельства, автор считает необходимым показать, что «“трудность” ситуаций... определена как, с одной стороны, актуализация для личности проблемы выбора между двумя бытийными пространствами (семейным и профессиональным), а с другой — необходимость утверждения личности в каждом из них» (Рябикина и др., 2013, с. 64). Так или иначе трудная ситуация соотносится автором с активной ролью личности в совладании с ней. Неизбежными оказываются переосмысление жизненных обстоятельств, выбор между ними и, несмотря на сделанный выбор, овладение каждой из ситуаций в той последовательности и с той мерой личностной экспансии, какие соответствуют субъективно переструктурированному пространству бытия.

Проведенные авторами субъектно-бытийного подхода исследования стали стимулом для более детального анализа проблемы жизненных трудностей и обоснования нашей точки зрения на эту проблему и основанием для ее сопоставления с идеей усмотрения и осознания человеком противоречий как причины развития личности.

Основным предметом нашего исследования являются повседневные трудности и связанные с возрастом трудные жизненные ситуации, требующие от личности проявления волевых качеств, умения переосмысливать ситуацию, принимать решение и осуществлять другие действия, направленные на совладание с трудностями. Для лучшего понимания предмета исследования обратимся к экстремальным ситуациям, определим их сходство и различия при сравнении с повседневными трудностями и трудностями, связанными с возрастом.

В обыденных высказываниях людей встречаются суждения, касающиеся того, каким должен быть индивидуальный путь развития человека и связанные с ним мироощущение, типично переживаемые личностью эмоциональные состояния.

Людам свойственно думать, что встречающиеся на их пути проблемы, трудности, непредвиденные обстоятельства негативного содержания — это лишь исключения из общего правила, которое гласит: человек создан для счастья, как птица для полета (В. Г. Короленко). В некоторых научных концепциях также обращают на себя внимание слова, описывающие основные установки и стремления личности, направленные на редуцирование напряжения, поиск объекта с целью достижения равновесия, устранения негативных переживаний (З. Фрейд, К. Левин и др.).

Однако восприятие проблемных жизненных задач в качестве временных, как бы навязанных личности событий не только нереалистично, но и неправдоподобно. В этом случае трудности соотносят с нарушением естественного хода событий вследствие случайного стечения обстоятельств.

Предлагаемая нами точка зрения формируется на основе *динамического подхода* к исследованию личности, предложенного Л. И. Анцыферовой (Анцыферова, 1981, 1990; Харламенкова, 2023). Согласно последнему личность рассматривается не как статичное образование с закрепившимися в ее структуре устойчивыми, т. е. неизменными чертами, а как «живая подвижная системная целостность, которая разворачивает, изменяет, преобразует и развивает себя в социально значимой совокупности деятельности, реализующей многообразные общественные отношения» (Анцыферова, 1990, с. 16). Раскрывая это положение укажем на фундаментальное качество личности, а именно, на априори присущую ей установку на изменение и развитие на всех этапах жизни, включая периоды поздней зрелости и старости.

Понятно, однако, что этот вывод не является абсолютно новым. Хотелось бы обратить внимание не на сам по себе факт поступательного развития личности, а на то, каким образом оно происходит. Л. И. Анцыферова пишет об открытии личностью новых граней благодаря ее включению в разные виды деятельности и, уточним, в разные жизненные обстоятельства. Иными словами, личность обнаруживает в себе не только исходно заложенные в ней природные свойства, но и те особенности, которые создаются и проявляются благодаря ее (в той или иной мере) осмысленной включенности в разнообразие «бытийных пространств».

Разрабатывая динамический подход к исследованию личности, Л. И. Анцыферова писала о нормативном пути личностного развития человека. Со временем в работах автора стали появляться идеи, касающиеся переживания человеком трудных и экстремальных ситуаций и совладания с ними. Динамический подход к исследованию личности стал дополняться сведениями о сосуществовании в жизни человека разных по своей стрессогенности ситуаций и об изменении жизненных планов в зависимости от выбранной копинг-стратегии. Автором высказывалась идея о необходимости преодоления «фрагментарности подхода» к оценке психологических последствий воздействия трудного жизненного события, о важности понимания индивидуальной истории переживания личностью предшествующих жизненных ситуаций (Анцыферова, 2004, с. 97).

Продолжая рассматривать динамический подход Анцыферовой к исследованию личности как одно из оснований собственного понимания научной проблемы, добавим, что центральное место в нашей концепции занимают трудные ситуации разной степени сложности, в том числе повседневные стрессоры («повседневные неприятности» по Р. Лазарусу) (Стрижицкая, Головей, 2018, с. 15). Стрессоры высокой интенсивности рассматриваются нами косвенно для преодоления принципа дизъюнктивности в исследовании психического как процесса (А. В. Брушлинский).

Процессуальный подход к проблеме трудных жизненных ситуаций

В отличие от исследователей, рассматривающих трудные ситуации в качестве преходящих и случайных событий, внешних помех, наша позиция в этом вопросе состоит в следующем: трудные жизненные события (ситуации, обстоятельства) выступают в качестве *онтологической основы* психической реальности, на базе которой осуществляется поступательное развитие личности. Доказать и обосновать это положение можно, исследуя трудную ситуацию не как некоторую данность, а как *процесс*, активную роль в котором выполняет личность, субъект деятельности. Анализируя познание личностью этой ситуации в ее процессуальном, развернутом виде, мы обращаемся и к онтологическому, и к гносеологическому аспектам анализа проблемы. Ведь, как утверждает Д. И. Дубровский, разделение онтологии и гносеологии является достаточно условной процедурой и «любое онтологическое утверждение при решении вопроса о его смысле и истинности предполагает рефлексию тех познавательных средств, с помощью которых оно сформулировано. В то же время любое гносеологическое утверждение необходимо включает... определенные онтологические предпосылки, которые должны быть выявлены, если мы хотим глубоко осмыслить гносеологические вопросы и продвинуться в их разработке» (Дубровский, 2011).

Начнем с того, что трудная (ожидаемая или неожиданная) ситуация распознается как *непривычная* для человека проблема, которую невозможно игнорировать. Онтологический статус ситуации может быть описан посредством характеризующих ее ценностей. Познавательными процедурами являются *сравнение* ситуации с привычными для субъекта событиями и ее *обозначение*, например, так: «конфликт», «экзамен», «поручение» и др.

На основе этих познавательных процедур ситуация соотносится с определенным классом трудных событий и ее онтологический статус может быть скорректирован. На этом этапе субъект *обнаруживает рассогласование* между потребностями и предъявляемыми к нему требованиями, что, как мы отмечали ранее, сближает наше понимание особенностей функционирования и развития личности с точкой зрения З.И. Рябикиной и ее коллег. Выявленное противоречие может стимулировать собственную активность личности либо субъективно восприниматься ею как препятствие.

Трудная ситуация — вероятный источник личностного развития, определенное испытание, тестовая ситуация для субъекта. Как любая тестовая ситуация она связана с *оценочными и самооценочными процедурами*, которые фиксируют возможности личности в данный момент и одновременно определяют ее потенциал. Данные процедуры имеют двойной смысл: они выступают в качестве познавательных процедур, выявляющих *самоценность* личности, и *раскрывают новые сущностные характеристики личности* в ее бытийном пространстве. Важность этого момента состоит в том, что именно он считается значимым этапом для квалификации потенциала личностного роста и способности личности к самораскрытию. Решение проблемы является лишь следствием того, насколько результативным оказался этап оценки и понимания личностью трудной ситуации. Отметим, что благодаря этой оценке личность начинает рассматривать себя как включенную в трудную ситуацию; последняя выступает для нее актуальным жизненным пространством. Как пишут наши коллеги: «Именно субъектная активность личности интегрирует, придает целостность, объединяет все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в неразрывное единство...» (Рябикина и др., 2013, с. 62).

Программа действий и ее реализация вряд ли могут рассматриваться в качестве элементарных интеллектуальных, моторных и иных актов, обеспечивающих совладание с жизненными трудностями. С этим этапом протекания трудной ситуации важно соотнести мотивационно-волевой ресурс личности как источник энергии, силы и осмысленности действий, который фиксируется в приобретаемых субъектом навыках волевой, эмоциональной регуляции, в продуцировании новых жизненных смыслов.

Обращение к анализу трудной ситуации как к естественной для личности среде, в которой происходит ее становление, функционирование, развитие, может вызвать ряд критических замечаний у специалистов, рассматривающих такую ситуацию как локальный и ненормативный эпизод, переживание которого и, как следствие, достижение состояния психологического благополучия выступают первоочередной и априори присущей человеку жизненной целью.

Приведенные аргументы в пользу *процессуального подхода* к анализу трудных ситуаций свидетельствуют об обратном: отрицание жизненных трудностей как привычных онтологических оснований самоосуществления личности и изучение этой проблемы только с позиции переживания сложного периода, его преодоления формируют иллюзорное представление о предназначении человека, его психологическом статусе. Опыт, полученный в подобных ситуациях, обобщается, дифференцируется и интегрируется, встраивается в целостную историю субъекта, видоизменяя ее, перестраивая саму личность. Любой жизненный экзамен открывает в человеке новые черты — сильные и слабые стороны, возможности и ограничения, составляющие новый базис для личностного роста и развития. Понимая важность такого опыта, мы еще раз подчеркиваем, что жизненный путь личности представляет собой целостную картину связанных между собой событий разной степени сложности, проживание которых с целью извлечения полезного, часто неосознаваемого опыта и составляет суть творения личностью самой себя.

Трудные и экстремальные ситуации: достоверность процессуального подхода

Нередко, обосновывая критерии трудной жизненной ситуации, исследователь имеет в виду и экстремальные события жизни. Л. И. Анцыферова пишет, что «определить степень трудности, стрессогенности различных ситуаций оказалось очень нелегко», объясняя этот факт тем, что «одно и то же событие у разных людей может вызвать резкое противодействие, породить негативные чувства или пройти почти незамеченным» (Анцыферова, 2004, с. 98). О вероятностном экстремально негативном воздействии стрессоров высокой интенсивности на психику человека указывает и Н. В. Тарабрина, подтверждая этот вывод данными эпидемиологических исследований (Тарабрина, 2009). Одним из психологических последствий влияния на человека психотравмирующих стрессоров является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), «процент распространенности [которого] ... колеблется в диапазоне от 1% до 14% с вариативностью, связанной с методами обследования и особенностями популяции» (Тарабрина, 2009, с. 56). В приведенных нами высказываниях речь идет о разной восприимчивости и разной реакции людей на одни и те же ситуации, т.е. об индивидуально-психологических различиях, обусловленных целой системой факторов, таких как социально-демографические, личностные особенности, уровень интеллекта, наличие / отсутствие социальной

поддержки и др. (Haehner, Kritzler, Fassbender, Luhmann, 2022; Schwaba, Denissen, Luhmann, Hopwood, Bleidorn, 2023).

Сопоставляя трудные и экстремальные ситуации, мы имеем в виду независимые от личностных и других переменных характеристики. Довольно подробно критерии дифференциации ситуаций описаны в работах Е. Н. Дымовой (Дымова, 2022, 2023), но их анализ напрямую не связан с обсуждаемой нами в этой статье темой. Важно лишь одно, что, в отличие от трудной, экстремальная ситуация несет собой явную угрозу жизни и здоровью человека и его близких.

Непосредственно интересующий нас вопрос заключается в следующем: можно ли перенести сформулированные нами ранее идеи, касающиеся процессуального подхода к трудной ситуации, на объяснение роли экстремальных событий в жизни человека? Ответ на этот вопрос может звучать достаточно категорично. Если мы отвечаем на него «нет», появляется некоторое сомнение в достоверности динамического и процессуального подходов к исследованию личности, в доказательности недизъюнктивности, непрерывности ее развития; как если бы экстремальные события «ломают» эту логику: и логику обоснования процессуального подхода, и логику самой жизни субъекта. Если мы отвечаем на вопрос «да», очевидным становится необходимость поиска доказательств в пользу процессуального подхода к анализу и трудных, и экстремальных ситуаций в их онтологической целостности.

Продолжая рассмотрение этого дискуссионного вопроса, выберем сначала ответ «нет».

При анализе психологических последствий воздействия интенсивных стрессоров довольно часто обсуждается тема восприятия субъектом, имеющим опыт переживания подобных ситуаций, прерывности / непрерывности своей жизни, т.е. наличия или отсутствия ее разделения на жизнь «до» и жизнь «после» (Anders, Frazier, Shallcross, 2014). Не следует отрицать и того факта, что психологическими последствиями влияния экстремальной ситуации являются: снижение способности планировать цели, потеря интереса к ранее значимым видам деятельности, уменьшение интенсивности в переживании разнообразных чувств и эффективности в решении проблем, сужение спектра эмоциональных реакций и социальных контактов, повышение риска инфекционных и иных заболеваний. Данные показатели свидетельствуют о появлении признаков стагнации в оценке показателей психического развития личности и, по-видимому, о патогенной роли экстремальных ситуаций в этом процессе.

Однако, несмотря на сделанный нами вывод, отметим, что перечисленные симптомы встречаются лишь у некоторой части популяции, пережившей влияние ненормативных ситуаций. Кроме того, интенсивность симптоматики может меняться в зависимости от различных интервенций и поиска субъектом приемов самозащиты, которые способны повысить протективные возможности организма и стимулировать появление признаков посттравматического роста (Fritzson, Zhang, Wolchik, Sandler, Tein, Bellizzi, 2024). Рассуждая таким образом, мы склонны считать, что даже в случае ответа «нет» на поставленный вопрос не только трудная, но и экстремальная ситуация (возможно, с применением более сложных копинг-стратегий, защитных и иных приемов) делает существенный вклад в развитие личности.

Само собой разумеется, что ответ «да» подтверждает следующие наши предположения: разные по своей трудности ситуации являются для человека естественной, более того, стимулирующей его развитие средой. На самом деле, простота ответа

«да» наталкивает исследователя на формулировку необоснованного вывода о безусловной необходимости экстремальных событий в жизни человека и об их пользе. Соблюдая осторожность в этом вопросе, подчеркнем: события экстремального характера сопровождают человека на всем протяжении его жизненного пути. Одни из них (за исключением ряда случаев) неизбежны. Это утрата родителей и прародителей, угрожающие жизни заболевания. Их неизбежность объясняется естественными факторами взросления и старения. По отношению к ним мы можем говорить о закономерности воздействия экстремальных событий. Другие стрессоры — природные и техногенные катастрофы, физическое и другие виды насилия также могут интерпретироваться как в той или иной мере закономерные явления, т.е. как события, «подготовленные» жизненным опытом. Определенная доля правды в этом выводе есть, но она не настолько достоверна, чтобы мы могли считать его очевидным и вовсе исключать фактор случайности.

Следует, однако, напомнить и о том, что ощущение прерывности / связанности жизненных событий зависит от самого субъекта и его характерологических и иных особенностей. Несомненно, что большой вклад в это ощущение вносит возраст, т.е. жизненный опыт человека: известно, например, что пожилые люди иначе, чем молодые, воспринимают негативные события, рассматривая их в широком контексте индивидуальной и общественной жизни, и оценивают свой жизненный путь как более связанный и непрерывный (Liao, Bluck, 2023).

Совокупность приведенных нами доводов позволяет считать процессуальный подход к обоснованию трудных и экстремальных ситуаций в качестве онтологической основы развития личности достоверным. Даже в том случае, когда регрессивные изменения в поведении человека, пережившего психотравмирующее событие, становятся очевидными, говорить о прекращении или о «поломке» личностной динамики было бы преждевременным. Правильнее было бы исследовать специфику такого развития и те возможности и ресурсы, которые обеспечивают изменение темпов развития, приводят к улучшению самочувствия и реинтеграции субъекта в социум (Zhang, Bai, Zhu, 2023).

Обычно совладание с негативными последствиями трудных и психотравмирующих ситуаций рассматривается исследователем с точки зрения систематизации механизмов адаптации человека к новым условиям жизни, компенсации и восполнения дефицита утраченных ресурсов. Часто именно копинг-стратегии и защитные механизмы объявляются в качестве центральной проблемы, формулируемой при исследовании трудных жизненных ситуаций.

С нашей точки зрения стратегии совладающего поведения и другие способы переживания жизненных трудностей и угроз следует рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу описываемого нами процессуального подхода. Способы и динамика преодоления психологических последствий стресса разной степени интенсивности указывают и на способность субъекта восстанавливать свои ресурсы, и на перспективы его развития в ближайшем и отдаленном будущем. В пережитой трудной ситуации заложена основа последующих жизненных событий, обусловленная в том числе намерениями решать (и преодолевать) повседневные и иные проблемы и ставить перед собой и новые задачи. Из этого следует, что совладающее поведение является связующим звеном между различными жизненными эпизодами, которые, в свою очередь, соединяются событиями, называемыми повседневными трудностями. Мы полагаем, что в каждой трудной ситуации уже

заложен ресурс совладающего поведения, а в каждом акте совладающего поведения распознается «задел» на новые жизненные проекты. Показанный нами прогрессивный путь развития личности, конечно, не исключает изменения его темпов, вовлечения в этот процесс регрессивных механизмов и даже появления признаков стагнации, которые не являются существенно превалирующими в случае нормы.

Для нормы свойственно движение как вперед, так и назад, т.е. такое своеобразное возвращение в прошлое с целью его прояснения, а также понимания настоящего и будущего. Рассматривая личностный рост только в одном направлении — «от настоящего к будущему», осмысливая его в категориях «зависимости человека от времени», мы теряем «заметно более важную для нас зависимость времени от человека, временных характеристик его бытия от способов и форм человеческого осуществления жизни (курсив мой. — Н.Х.)... Понятие осуществления вводит нас в восходящие структуры развития, в составе которых время оказывается не только общим условием существования, но и *результатом* человеческого осуществления жизни, где оно определяется уже не как чуждая, над человеком стоящая сила и власть, выраженная извечным круговращением светил, но как по-человечески определенная и человеческим содержанием наполненная форма человеческого бытия» (Трубников, 1987, с. 247). Сказанное означает, что опыт переживания трудных ситуаций и обращения к различным способам их разрешения требует их переосмысления, реинтеграции и формирования целостной картины «человеческого осуществления жизни».

Гносеологические основы верификации процессуального подхода на достоверность

Условность разделения онтологических и гносеологических аспектов знания о природе развития личности не исключает возможности самостоятельного применения познавательных процедур — методов *анализа, синтеза и аналогии* — с целью проверки ранее высказанных нами предположений.

Проведенный нами *анализ* психологических особенностей переживания трудной жизненной ситуации показал, что одной из таких особенностей является *противоречие* между «определенным образом устроенным внутренним миром и внешней реальностью» (Рябикина, 2008, с. 82). Противоречие характеризует рассогласованность внешнего и внутреннего, но на самом деле служит маркером присущего человеку личностного диссонанса, распознать, разобраться и совладать с которым — значит прожить разные этапы трудной жизненной ситуации. С помощью анализа удастся выявить отдельные составляющие ситуации — *противоречия*, а также *причины*, которые привели к данному противоречию, *возможности и ресурсы личности, план разрешения* ситуации, наличие/отсутствие *прогноза* ее последствий — негативных и позитивных.

Обращение к познавательной процедуре *синтез* позволило показать, что трудная ситуация — это не дискретное, а развернутое во времени событие, обусловленное прошлым опытом субъекта (т.е. опытом переживания предшествующих трудных ситуаций и успешностью совладания с ними), а также дальнейшим, прогнозируемым субъектом жизненным планом. Характеризуя связанность трудных ситуаций и сопряженных с ними стратегий решения проблем, мы рассматривали их как закономерно формируемое жизненное пространство, в контексте которого и происходит развитие личности. Познавательная процедура «синтез» обеспечивает доказательную базу для верификации гипотезы о достоверности процессуального

подхода к трудной жизненной ситуации и показывает, что актуальное событие содержит опыт переживания и преодоления предшествующих проблем, одновременно являясь предпосылкой дальнейшего развития личности.

Познавательная процедура *аналогия* — один из известных методов, который используют для поиска и установления сходства части признаков двух и более предметов, явлений и т. д., осуществляемый на основе умозаключения, причем вывод по аналогии имеет вероятностный характер (Асмус, 1969, с. 301–302). В нашем случае метод аналогии применялся для сопоставления процессуального подхода к анализу трудных жизненных ситуаций с принципами обоснования С. Л. Рубинштейном мышления как процесса (Рубинштейн, 1958) и разработанным Л. И. Анцыферовой динамическим подходом к исследованию личности (Анцыферова, 1981). Важно заметить, что сопоставлялись не предметы или явления, а теоретические модели.

Методолого-теоретические и эмпирические исследования мышления основывались С. Л. Рубинштейном на положении о психическом как процессе. Началом мышления является проблемная ситуация, которая подвергается анализу; субъект «расчленяет данное, известное и неизвестное, искомое», определяя условия и требования задачи (Рубинштейн, 1958, с. 85). Важнейшую роль в этом процессе играет мотивация. Не останавливаясь на деталях мыслительного процесса, отметим, что общая процедура решения задачи предполагает и анализ, и синтез, а также их сопряженное взаимодействие — анализ через синтез. Тем самым объект постоянно включается в новые связи и отношения, «он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства» (Рубинштейн, 1958, с. 99). С. Л. Рубинштейн и его ученики установили этот факт на примере решения самых разных задач, подтверждая выдвинутую им гипотезу о процессуальном характере мышления, о связанности его этапов, об обнаружении субъектом нового знания об объекте только путем активного включения его в иные, чем прежде, условия анализа.

Согласно Л. И. Анцыферовой, личность — это не статичная, неизменная структура, а «целостность, которая развивается, формируя в своей организации все *новые* и *новые* (курсив мой. — Н.Х.) части, каждая из которых обладает качеством породившей ее целостности, подразумевает существование ранее выделившихся частей и несет в себе возможность возникновения новых» (Анцыферова, 1981, с. 14). Рассматривая развитие личности в контексте разных видов деятельности, Л. И. Анцыферова уточняет: важна не сама по себе социальная роль, которую играет человек, а «способность [личности] выйти за свои пределы, подняться над собой» (Анцыферова, 1981, с. 13). Будучи ученицей С. Л. Рубинштейна, Л. И. Анцыферова показала, что устойчивость личности зависит от ее активности, которая предполагает распознавание, а также формирование в себе нового путем включения в разнообразные виды деятельности. Иными словами, личность — не кристаллизованная структура черт и устойчивых мотивов, а подвижная система, которая, благодаря собственной активности и деятельности, открывает в себе (и в других, в мире в целом) новое личностное знание.

Обращение к методолого-теоретическим исследованиям С. Л. Рубинштейна и Л. И. Анцыферовой позволило обосновать *процессуальный подход* к трудным жизненным ситуациям и показать, что, несмотря на различия между этими ситуациями в степени их трудности, именно такой тип жизненных событий составляет основу для познания субъектом самого себя, для самораскрытия и личностного роста. В отличие от комфортных условий жизни, которые, кстати сказать, являются

скорее исключением, чем правилом, трудные ситуации: 1) каждый раз предъявляют к человеку новые требования и тем самым вынуждают его обращаться к новым ресурсам, развивая не универсальные, присущие многим людям, а уникальные способности; 2) ориентированы в будущее, поскольку обнаруживают актуальные проблемы, решение которых обеспечивает доступ к новым задачам; 3) в потенциальном виде содержат инструменты, необходимые для преодоления трудностей, решения проблем.

Согласимся с тем, что трудная ситуация несет в себе угрозу утраты, потери того, что когда-то было достигнуто человеком, разрушения «индивидуальной “теории”» личности (Анцыферова, 2004, с. 101). В целом негативный потенциал ситуации приобретает размеры катастрофы не столько сам по себе, сколько вследствие субъективного восприятия жизненных обстоятельств как непреодолимых, и невольно возвращает нас к традиционному толкованию трудных ситуаций как исключительных, случайных явлений, препятствующих поступательному развитию личности.

Заключение

Обычно события, связанные с юбилейными датами, позволяют лучше понять содержание исследований, выполненных в разных научных коллективах. Исследования наших коллег из Кубанского государственного университета (кафедра психологии личности и общей психологии) и сотрудников Института психологии РАН имеют общие методологические основания, при этом теоретико-эмпирические исследования отражают разные стороны многогранной проблематики психологии личности и психологии субъекта. Разработка субъектно-бытийного подхода (Рябикина, 2008) свидетельствует о сохранении традиций в исследовании человека как субъекта своей деятельности и жизнедеятельности и одновременно отражает новые веяния в понимании природы личности, ее бытия и со-бытийного контекста и коммуникации. Активность человека и освоение им различных пространств бытия гипотетически предполагают появление рассогласования в ценностном предпочтении того или иного смыслового контекста, что закономерным образом проявляет себя в виде системы противоречий между мотивами, потребностями, установками личности и требованиями среды. Рассматривая эту проблему с точки зрения процессуального подхода к трудным жизненным ситуациям, мы показали сходство наших исследовательских позиций и обозначили некоторые направления проведения научных дискуссий, которые ориентированы на планирование методолого-теоретических исследований, построенных на основе «изучения всей полноты реальной жизни личности, тех жизненных отношений человека, которые образуют ткань его целостного жизненного пути» (Анцыферова, 2004, с. 411).

Библиографический список

- Абульханова, К. А. (1973). *О субъекте психической деятельности*. Москва: Наука.
- Абульханова-Славская, К. А. (1997). Проблема личности в психологии. В К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский (ред.) *Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории* (с. 270–374). Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Анцыферова, Л. И. (1981). О динамическом подходе к психологическому изучению личности. *Психологический журнал*, 2(2), 8–18.

- Анцыферова, Л. И. (1990). Личность с позиции динамического подхода. В Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская (ред.) *Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь* (с. 7–17). Москва: Наука.
- Анцыферова, Л. И. (1993). Психология повседневности: жизненный мир личности и “техники” ее бытия. *Психологический журнал*, 14(2), 3–17.
- Анцыферова, Л. И. (1994). Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, 15(1), 3–18.
- Анцыферова, Л. И. (2004). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Асмус, В. Ф. (1969). *Избранные философские труды*. Москва: Издательство Московского университета.
- Головей, Л. А., Стрижицкая, О. Ю. (2016). Особенности структуры повседневных стрессоров и ресурсов личности в разные периоды взрослости. В Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова (ред.) *Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание* (с. 27–49). Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Дубровский, Д. И. (2011). Единство гносеологического и онтологического аспектов категории идеального. *NovaInfo*, 6. Режим доступа <https://novainfo.ru/article/2188>.
- Дымова, Е. Н. (2022). Проявление признаков психотравмирующего опыта в трудных жизненных ситуациях. В Н. Е. Харламенкова, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Н. Н. Казымова (ред.) *Онто- и субъектогенез психического развития человека* (с. 278–291). Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Дымова, Е. Н. (2023). Трудные жизненные события в представлении мужчин и женщин юношеского возраста. В З. И. Рябикина, Л. Н. Ожигова, А. Ш. Гусейнов (ред.) *Личность в изменяющейся социальной реальности: общение и со-бытийность* (с. 141–145). Краснодар: КубГУ.
- Рождерс, К. (2002). *Искусство консультирования и терапии*. Москва: Апрель Пресс, изд-во Эксмо.
- Рубинштейн, С. Л. (1958). *О мышлении и путях его исследования*. Москва: изд-во АН СССР.
- Рябикина, З. И. (2005). Кафедра — это переплетение многих судеб, многих личных дискурсов в науке. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 56–65.
- Рябикина, З. И. (2008). Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий. *Психологический журнал*, 29(2), 78–87.
- Рябикина, З. И., Ожигова, Л. Н., Фоменко, Г. Ю. (2013). Развитие идей субъектного подхода в исследованиях психологов Кубанского государственного университета. *Психологический журнал*, 34(2), 60–69.
- Стрижицкая, О. Ю., Головей, Л. А. (2018). Дифференциально-психологические аспекты восприятия повседневных стрессоров. *Психологический журнал*, 39(5), 15–25.
- Трубников, Н. Н. (1987). *Время человеческого бытия*. Москва: Наука.
- Харламенкова, Н. Е. (2016). Переживание утраты в пожилом возрасте. В М. И. Володинова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова (ред.) *Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы* (с. 169–191). Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Харламенкова, Н. Е. (2023). Динамический подход к психологическому исследованию личности Л. И. Анцыферовой: новые грани проблемы. В А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская (ред.) *Научные подходы в современной отечественной психологии* (с. 461–477). Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Anders, S. L., Frazier, P. A., Shallcross, S. L. (2014). Changes in Functioning Following Potentially Traumatic Life Events in College students. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 6, 99–106. DOI: 10.1037/a0033835

- Fritzson, E., Zhang, N., Wolchik, S. A., Sandler, I. N., Tein, J.-Y., Bellizzi, K. M. (2024). Developmental Pathways of the Family Bereavement Program to Promote growth 15 Years after Parental Death. *Journal of Family Psychology, Advance*. DOI: 10.1037/fam0001189
- Haehner, P., Kritzler, S., Fassbender, I., Luhmann, M. (2022). Stability and Change of Perceived Characteristics of Major Life Events. *Journal of Personality and Social Psychology*, 122(6), 1098–1116. DOI: 10.1037/pspp0000394
- Liao, H.-W., Bluck, S. (2023). Recalling Self-Disruptive Events and Maintaining Self-Continuity in Adulthood. *Psychology and Aging*, 38(1), 17–29. DOI: 10.1037/pag0000719
- Schwaba, T., Denissen, J. J. A., Luhmann, M., Hopwood, C. J., Bleidorn W. (2023). Subjective Experiences of Life Events Match Individual Differences in Personality Development. *Journal of Personality and Social Psychology*, 125(5), 1136–1156. DOI: 10.1037/pspp0000483
- Zhang, N., Bai, B., Zhu, J. (2023). Stress Mindset, Proactive Coping Behavior, and Posttraumatic Growth among Health Care Professionals during the COVID-19 Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 15(3), 515–523. DOI: 10.1037/tra0001377

Статья поступила в редакцию 25.03.2024

Статья принята к публикации 25.05.2024

Для цитирования: Харламенкова Н. Е. Полвека на пути к новым достижениям (к юбилею кафедры психологии Кубанского государственного университета). *Южно-российский журнал социальных наук*. 2024. Т. 25. № 2. С. 28–45.

HALF A CENTURY ON THE WAY TO NEW ACHIEVEMENTS (TO THE ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY OF KUBAN STATE UNIVERSITY)

N. E. Kharlamenkova

Natalia E. Harlamenkova

E-mail: HarlamenkovaNE@ipran.ru. ORCID 0000-0002-0508-4157

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Yaroslavskaya St., 13/1, Moscow, 129301, Russia

Abstract. The paper examines three scientific approaches to psychological analysis of personality development: the subjective approach (S. L. Rubinstein), the dynamic approach (L. I. Antsyferova), and the subjective-existential approach (Z. I. Ryabikina and colleagues). The author discloses the fundamental aspects of a procedural approach in addressing complex life challenges. The objective of the research is to substantiate a statement on the nature of human life, which is typically manifested in a multitude of challenging life situations experienced simultaneously and/or successively by an individual. A challenging situation is defined as a process comprising multiple stages, linked to the subject's past experiences of addressing life difficulties, serving as a marker of their current tasks, and oriented towards the achievement of future objectives. The individual components of the situation include the contradiction between needs and external requirements, the reasons that caused this contradiction, the capabilities and resources of the individual, the plan for resolving the situation, and the presence or absence of a forecast of its consequences, both negative and positive. The strategies of coping with difficulties reflect authentic methods of overcoming them and prospective tasks of personal development. This paper presents arguments in favor of the procedural approach and the possibility of its application to the analysis of everyday and extreme stressors. It is shown that there is no violation of personal dynamics even in the case of regressive changes in the behavior of an individual who has experienced a psycho-traumatic situation; an opinion is expressed on the need to study the specificity of personality development in conditions of intensive stressors, as well as the opportunities and resources that ensure a change in the pace of development, leading to the improvement of the subject's well-being and his/her reintegration into society. The research employed the methods of analysis, synthesis, and analogy as cognitive procedures, which permitted the validation of the hypothesis that a challenging life

situation can be considered an ontological basis for the development of personality. The conclusion is that the studies conducted by colleagues from Kuban State University (the Department of Personality Psychology and General Psychology) and by researchers at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences shared a common methodological basis. The theoretical and empirical studies reflected different aspects of multifaceted problems in personality psychology and the subject's psychology.

Keywords: subjective approach, subjective-existential approach, dynamic approach, procedural approach, subject, contradiction, challenging situation, extraordinary situation.

DOI 10.31429/26190567-25-2-28-45

References

- Abul'khanova, K. A. (1973). *O sub'yekte psikhicheskoy deyatel'nosti* [About the Subject of Mental Activity]. Moskva: Nauka.
- Abul'khanova-Slavskaya, K. A. (1997). Problema lichnosti v psikhologii [The Problem of Personality in Psychology]. In K. A. Abul'khanova-Slavskaya, L. I. Antsyferova, A. V. Brushlinskiy (Eds) *Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii* [Psychological Science in Russia of the XX Century: Problems of Theory and History] (pp. 270–374). Moskva: Institut psikhologii, Rossiyskaya akademiya nauk.
- Anders, S. L., Frazier, P. A., Shallcross, S. L. (2014). Changes in Functioning Following Potentially Traumatic Life Events in College students. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 6, 99–106. DOI: 10.1037/a0033835
- Antsyferova, L. I. (1981). O dinamicheskom podkhode k psikhologicheskomu izucheniyu lichnosti [On the Dynamic Approach to the Psychological Study of Personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2(2), 8–18.
- Antsyferova, L. I. (1990). Lichnost' s pozitsii dinamicheskogo podkhoda [Personality from the Perspective of a Dynamic Approach]. In B. F. Lomov, K. A. Abul'khanova-Slavskaya (Eds) *Psikhologiya lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve* [Personality from the Perspective of a Dynamic Approach]. *Lichnost' i yeye zhiznennyy put'* [Psychology of Personality in Socialist Society. Personality and Her Life Path] (pp. 7–17). Moskva: Nauka.
- Antsyferova, L. I. (1993). Psikhologiya povsednevnosti: zhiznennyy mir lichnosti i "tekhniki" yeye bytiya [Psychology of Everyday Life: the Life World of the Individual and the "Technique" of its Existence]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 14(2), 3–17.
- Antsyferova, L. I. (1994). Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivaniye, preobrazovaniye situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in Difficult life Conditions: Rethinking, Transformation of Situations and Psychological Defence]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 15(1), 3–18.
- Antsyferova, L. I. (2004). *Razvitiye lichnosti i problemy gerontopsikhologii* [Personality Development and Problems of Gerontopsychology]. Moskva: Institut psikhologii, Rossiyskaya akademiya nauk.
- Asmus, V. F. (1969). *Izbrannyye filosofskiye Trudy* [Selected Philosophical Works]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Dubrovskiy, D. I. (2011). Yedinstvo gnoseologicheskogo i ontologicheskogo aspektov kategorii ideal'nogo [The Unity of Epistemological and Ontological Aspects of the Category of the Ideal]. *Novainfo*, 6. Retrieved from <https://novainfo.ru/article/2188>.
- Dymova, Ye. N. (2022). Proyavleniye priznakov psixotravmiruyushchego opyta v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh [Manifestation of Signs of Psychotraumatic Experience in Difficult Life Situations]. In N. Ye. Kharlamenkova, Ye. A. Sergiyenko, V. V. Znakov, N. N. Kazymova (Eds) *Onto- i sub'yektogenez psikhicheskogo razvitiya cheloveka* [Onto- and Subjectogenesis of Human Mental Development] (pp. 278–291). Moskva: Institut psikhologii, Rossiyskaya akademiya nauk.
- Dymova, Ye. N. (2023). Trudnyye zhiznennyye sobytiya v predstavlenii muzhchin i zhenshchin yunosheskogo vozrasta [Difficult Life Events as Perceived by Adolescent Men and Women].

- In Z. I. Ryabikina, L. N. Ozhigova, A. Sh. Guseynov (Eds) *Lichnost' v izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti: obshcheniye i so-bytiynost'* [Personality in a Changing Social Reality: Communication and Co-Existence] (pp. 141–145). Krasnodar: KubGU.
- Fritzson, E., Zhang, N., Wolchik, S. A., Sandler, I. N., Tein, J.-Y., Bellizzi, K. M. (2024). Developmental Pathways of the Family Bereavement Program to Promote growth 15 Years after Parental Death. *Journal of Family Psychology, Advance*. DOI: 10.1037/fam0001189
- Golovey, L. A., Strizhitskaya, O. Yu. (2016). Osobennosti struktury povsednevnykh stressorov i resursov lichnosti v raznyye periody vzroslosti [Features of the Structure of Everyday Stressors and Personal Resources in Different Periods of Adulthood]. In Ye. A. Sergiyenko, A. L. Zhuravlev, N. V. Tarabrina, N. Ye. Kharlamenkova (Eds) *Psikhologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladaniye* [Psychology of Everyday and Traumatic Stress: Threats, Consequences and Coping] (pp. 27–49). Moskva: Institut psikhologii, Rossiyskaya akademiya nauk.
- Haehner, P., Kritzler, S., Fassbender, I., Luhmann, M. (2022). Stability and Change of Perceived Characteristics of Major Life Events. *Journal of Personality and Social Psychology*, 122(6), 1098–1116. DOI: 10.1037/pspp0000394
- Kharlamenkova, N. Ye. (2016). Perekhivaniye utraty v pozhilom vozraste [Experiencing Loss in Old Age]. In M. I. Volovikova, A. L. Zhuravlev, N. Ye. Kharlamenkova (Eds) *Psikhologicheskiye issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy* [Psychological Studies of Personality: History, Current State, Prospects] (pp. 169–191). Moskva: Institut psikhologii, Rossiyskaya akademiya nauk.
- Kharlamenkova, N. Ye. (2023). Dinamicheskoy podkhod k psikhologicheskomu issledovaniyu lichnosti L. I. Antsyferovoy: novyye grani problemy [Dynamic Approach to the Psychological Study of the Personality of L. I. Antsyferova: New Facets of the Problem]. In A. L. Zhuravlev, Ye. A. Sergiyenko, G. A. Vilenskaya (Eds) *Nauchnyye podkhody v sovremennoy otechestvennoy psikhologii* [Scientific Approaches in Modern Russian Psychology] (pp. 461–477). Moskva: Institut psikhologii, Rossiyskaya akademiya nauk.
- Liao, H.-W., Bluck, S. (2023). Recalling Self-Disruptive Events and Maintaining Self-Continuity in Adulthood. *Psychology and Aging*, 38(1), 17–29. DOI: 10.1037/pag0000719
- Rozhders, K. (2002). *Iskusstvo konsul'tirovaniya i terapii* [The Art of Counseling and Therapy]. Moskva: Aprel' Press, izd-vo Eksmo.
- Rubinshteyn, S. L. (1958). *O myshlenii i putyakh yego issledovaniya* [About Thinking and Ways of its Research]. Moskva: izd-vo ANSSSR.
- Ryabikina, Z. I. (2005). Kafedra – eto perepleteniye mnogikh sudeb, mnogikh lichnykh diskursov v nauke [The Department is an Interweaving of Many Destinies, Many Personal Discourses in Science]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 4, 56–65.
- Ryabikina, Z. I. (2008). Sub'yektno-bytiynyy podkhod k izucheniyu razvivayushchikh lichnost' protivorechiy [Subjective-Existential Approach to the Study of Contradictions that Develop Personality]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 29(2), 78–87.
- Ryabikina, Z. I., Ozhigova, L. N., Fomenko, G. Yu. (2013). Razvitiye idey sub'yektnogo podkhoda v issledovaniyakh psikhologov Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta [Development of Ideas of the Subject Approach in the Research of Psychologists at Kuban State University]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 34(2), 60–69.
- Schwaba, T., Denissen, J. J. A., Luhmann, M., Hopwood, C. J., Bleidorn W. (2023). Subjective Experiences of Life Events Match Individual Differences in Personality Development. *Journal of Personality and Social Psychology*, 125(5), 1136–1156. DOI: 10.1037/pspp0000483
- Strizhitskaya, O. Yu., Golovey, L. A. (2018). Differentsial'no-psikhologicheskiye aspekty vospriyatiya povsednevnykh stressorov [Differential Psychological Aspects of the Perception of Everyday Stressors]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 39(5), 15–25.
- Trubnikov, N. N. (1987). *Vremya chelovecheskogo bytiya* [The Time of Human Existence]. Moskva: Nauka.

Zhang, N., Bai, B., Zhu, J. (2023). Stress Mindset, Proactive Coping Behavior, and Posttraumatic Growth among Health Care Professionals during the COVID-19 Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 15(3), 515–523. DOI: 10.1037/tra0001377

Received 25.03.2024

Accepted 25.05.2024

For citation: Kharlamenkova N. E. Half a Century on the Way to New Achievements (to the Anniversary of the Department of Psychology of Kuban State University. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2024. Vol. 25. No 2. Pp. 28–45.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).